

ГРАНИ

GRANI

121

1981

Verlagsort: Frankfurt/Main, Juli-September

Легко и радостно жить тому, кто ищет в других хорошее, ищет и находит. Исканием своим помогает он тем, в ком ищет, раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию.

Каждый человек — часть органического целого; человечества. Совершенствуется часть — совершенствуется целое. Тот, кто становится на путь Правды, помогает всему человечеству стать на тот же путь. А необходимость этого, может быть, никогда так не была велика, никогда так не ощущалась всеми, как в наши дни.

В свете этого большая и ответственная задача стоит перед теми, кто служит Слову — Слову Правды.

Е.Романов
Грани № 1, 1946

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XXXV

№ 121

1981 год

СОДЕРЖАНИЕ

Н. ТАРАСОВА — Владимир Яромирович Горачек	I
Биография В. Я. Горачека	X
В. ГОРАЧЕК — К пятидесятилетию журнала «Грани»	XII

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Георгий ВЛАДИМОВ — Шестой солдат.	
Комедия в двух действиях	5
Ирина БАСОВА — Стихи	107
А. ОЧЕРЕТЯНСКИЙ — Стихи	110

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

И. ШЕНФЕЛЬД — Юрий Трифонов — писатель частичной правды	112
К столетию со дня смерти Ф. М. Достоевского	
В. ДМИТРИЕВ — Идеология и формализм. К вопросу об идеализме Ф. М. Достоевского	119
Е. ДРЫЖАКОВА — Мечтательство и терроризм. Путь Ф. М. Достоевского в тайную семерку	164

ПУБЛИЦИСТИКА

Игумен ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ) — Идеал совершенства и прагматика совершенствования.	
П. И. Новгородцев	212
М. НАЗАРОВ — О польских событиях	234

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

Н. ШАТУНОВСКАЯ — Письмо в редакцию журнала «Грани»	256
Н. КОРЖАВИН — Эмиграция — не партия	260

Владимир Яромирович Горачек

(26.9.1916 — † 17.7.1981)

Обложка работы художника Н. Мишаткина

© 1981 by Possev-Verlag
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main
Издательство «П о с е в»

Как начать писать о человеке, с которым был связан самой глубокой дружбой почти тридцать лет... Начать писать — значит признать его смерть, а она не вмещается в сердце.

Есть дружбы на „Вы”. Это местоимение сохраняет особую дистанцию между друзьями и дает возможность видеть человека глубже, четче, шире — во весь рост. А рост друга — двухметровый. И все у него крупное: голова, глаза, высокий открытый лоб, руки, ноги, плечи. И этот крупный человек видит мир крупным планом, мыслит высокими категориями, отдан большим чувствам и к тому же — сын великой несчастной страны. С высоты своего роста — физического и духовного — он не мог да и не хотел различать мелкое. Маленькое — да: большая рука бережно ложилась на крохотную головку ребенка, бегавшего по церкви, а тот тянул к огромному дяде руки. Но малое — не мелкое. Хотя, правда, были и мелочи, которыми нужно было ему заниматься: пересчитывать мелочь церковных сборов, мыть пол храма в канун больших праздников, а на неделе убирать алтарь и зажигать лампы. И староста Свято-Никольского храма во Франкфурте-на-Майне делал это долгие годы. Но прежде того он этот прекрасный храм выстроил. Конечно, не он один: были рабочие, архитекторы, комиссии, историки, художники, иконописец, другой (не он) староста и — на первом месте — священник о. Леонид Игнатьев. Но, думаю, никто не возразит мне, что без

Владимира Яромировича Горачека наш храм возведен бы не был.

Почему начинаю я говорить о нем в церкви? Наш храм — последний, завершающий период его жизни. Но впервые увидела я Владимира Яромировича в ноябре 1943 года в Праге на приеме у владыки Сергия, где мы, военные беженцы, пили чай с вареньем владыкиного изготовления и робко пытались рассказывать о неправдоподобных ужасах нашей советской повседневности. Среди людей, помогавших владыке с нами общаться, был невероятно высокий и невероятно худой молодой человек. Он чувствовал здесь себя явно дома. Худоба его, как я узнала много лет спустя, была следствием его пребывания в нацистской тюрьме, куда он попал по делу Национально-Трудового Союза. Кстати, о духовном наставнике Владимира Яромировича, владыке Сергии, хотелось бы сказать, что спустя два года, в 1945, когда советские войска, а с ними СМЕРШ и прочие карательные органы приближались к Праге, он не покинул своих духовных чад, принял и разделил их судьбу, а затем судьбу российского плененного духовенства.

Одним из главных определяющих человеческий облик Владимира Яромировича качеств его духа было служение. Началось оно в гимназические годы. Это было служение молодежи через организацию „витязей”; это было служение России — тоже со школьной скамьи — в НТС; это было служение русской культуре — в издательстве „Посев”; и наконец главным его служением, вмещавшим все остальные, было служение Богу, которое осуществлялось им не только в личной, но и в общественной жизни.

Другим характерным качеством Владимира Яромировича была верность. Верность Богу, семье, друзьям, образу мыслей, жизни, верность работе — всем тем великим и малым делам, которые брал он на себя сам по склонности к ним или по чувству долга, и тем, которые поручались ему. Он не выбирал последние, а беспрекословно их принимал и исполнял. И когда жизнь текла обычно, и когда выпадали очень тяжкие годы.

В течение многих лет Владимир Яромирович находился в составе Высшего Суда совести и чести НТС. С перерывом в 2 года был он также неизменным членом Совета НТС.

Что касается прямой политической деятельности Владимира Яромировича, об этом мне судить трудно. Вряд ли можно усмотреть в нем профессионального политика. Собственно политика не была областью ни его ума, ни сердца. Цель его революции в России, отнюдь не исключая при этом ни программы, ни тактики, ни стратегии НТС, в работе над которыми он участвовал, заключалась, по его словам, в том, чтобы в каждой русской семье заглялась лампада перед образами. Мысль же эта, как он неизменно подчеркивал, принадлежала не ему, а одному из довоенных руководителей НТС. И ей он оставался тоже верен до конца.

Большие ростом мальчишки-„каланчи” часто бывают застенчивы. Остается эта неуверенность потом часто на всю жизнь и проявляется по-разному. Владимир Яромирович стеснялся публично выступать. Слова разбегались от него в разные стороны, он терялся, виновато улыбался и иногда умолкал. Да и вообще был молчалив. И только немногие знают его иным.

За чашкой ли чая на кухне, за рулем ли во время длительных поездок, за праздничным столом у себя дома, когда почти все гости уже разошлись — он вдруг обретал уверенность и подлинный дар слова. Тогда собеседник делался свидетелем его обширных знаний в области религиозной философии, истории, литературы. Когда он, занятый с утра до ночи, успевал не только читать, но и овладевать приобретенным, для меня навсегда осталось заманчивой тайной.

У Владимира Яромировича был на редкость самобытный ум и особые пути мышления. Ему невозможно было навязать чужое мнение, он никогда не пользовался проторенными дорогами или общими схемами. Все, что останавливало его внимание, он анализировал сам. Характер его ума был созерцательный, но в то же время динамичный, аналитический и способный к интереснейшим обобщениям и выводам. Но самое ценное в его умственной жизни было то, что он научился, как советует нам святоотеческая литература, помещать свой ум в сердце. А если человек достигает этого, — награждается Богом мудростью.

Но его непрерывная напряженная духовно-умственная жизнь несла в себе для окружающих еще и другие функции: не только генератора и катализатора идей, но и лакмусовой бумажки. Последнее касалось нравственной сферы. Случалось и так, что привычная для всех нас доброжелательность Владимира Яромировича вдруг исчезала, он мрачнел. И тогда протест его против ложности или несправедливости действия или слова сначала выражался в попытке объяснить и убедить. Если не удавалось, наступало молчание. И оно было грозным. Он внимательно слушал, глядел отчужденно и молчал. Это

означало: неверно, плохо, я — против, тратить слов нет смысла, ищите решение сами. Но бывали и гневные взрывы. Они были редки и, как правило, означали перенапряжение всех его физических и нравственных сил, мгновенный прорыв в отчаяние в борьбе со злом. Он мучительно, по-детски открыто, стыдился этих взрывов и сокрушался о себе. Внешние поводы могли быть незначительны и разнообразны, но подлинные причины были всегда глубоки и никогда не лежали в области личного. Ни обид, ни ущемленного самолюбия, ни оскорбленной гордости Владимир Яромирович не признавал, в первую очередь для себя, в последнюю — для других.

Если бы хоть малое зернышко честолюбия смогло прорасти в его душе, вполне вероятно, что я сегодня писала бы об оригинальном мыслителе, публицисте, философе. Но зерно не проросло, его просто не было. А все силы, которые хоть частично могли бы уходить на записывание своих мыслей, хоть на несколько статей в год, направлялись на действенное ежечасное служение ближним, России, Церкви и — в последнюю очередь — семье, потому что семья в его сознании была разросшимся им самим.

И все-таки тайные мечты о творчестве иногда шевелились в его душе. Символом его был „собственный письменный стол”. И стол с годами появился, и любимые, часто редчайшие книги расположились над ним, да вот времени за всю жизнь сесть за него так и не нашлось: все другое оказывалось всегда важней.

Тома его сочинений не стали на наши книжные полки (хотя не один том я восприняла на слух), но бесчисленное количество инспирированных им идей,

наблюдений и озарений появлялось в наших статьях, докладах, книгах. Зачастую мы сами не замечали этого. И когда случалось ему наткнуться на них, он смущался, застенчиво радовался: „Пригодилось, ну и слава Богу...”

Раздавал он свои подарки щедро, походя, невзначай, незаметно — любому, кто вступал с ним в беседу, кто хоть мало-мальски был настроен на общую с ним волну ума и сердца. Но еще больше его мыслей, не услышанных, не воспринятых нами, пропадало.

В печати же (насколько мне известно) остался от него след микроскопический: соредакторство посевского сборника Б. Пастернака „Избранное” и рецензия „Гонители и гонимые” на книгу А. Ляковского „Мартиролог русских писателей” в „Гранях” № 34—35 (1957). Рецензия характерна для его критического, самостоятельного образа мышления и остается одной из лучших в журнале. Обе эти работы опубликованы под псевдонимом В. Гришин, произведенным от имени трагически погибшего в 1945 году брата. А третья вещь осталась совсем без подписи. Не захотел. И почти никто по сей день не знает, что Слово к пятидесятилетию журнала „Грани” (№ 50, 1961), в котором раскрывается смысл и роль журнала, принадлежит перу Владимира Яромировича. В свое время оно произвело большое впечатление на читателей. А звучит это „Слово” сегодня еще более значительно, чем двадцать лет назад. И еще в „Посеве” публиковалось много его „вступительных слов” к открытию ежегодных конференций, на которых он неизменно был не только радушным хозяином, но и источником той непринужденной, свободной и дружеской атмосферы, которая всегда поражала новых гостей (эта же

атмосфера возникла и в нашей прицерковной жизни, когда он стал старостой храма).

Отношение Владимира Яромировича к России всегда было до краев наполнено бережной, ненавязчивой любовью, свободой для естественного развития, глубоким интересом и уважением к тому прошлому, которое лучшим образом смогло бы определить будущее. Именно отсюда вытекала его постоянная потребность изучать российскую историю, литературу, историю нашей православной Церкви.

За двенадцать дней до смерти, 5.7. с. г., Владимир Яромирович писал мне из отпуска:

„Как Вам известно, в руках у меня книга Пыпина, IV, История русской литературы. Разрешите из этой книги одну цитату Вам привести: „Грибоедов любил простой народ... Любил он и ходить в церковь. „Любезный друг, — говорил он: — только в храмах Божиих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В русской церкви я в отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Димитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение одушевляло набожные души. Мы — русские только в церкви, — а я хочу быть русским...”

Отношение к России определяло его издательскую работу. Он был талантливым издателем, с большим пониманием и интуицией отбирившим и разыскивавшим те книги, которые, по его мнению, помогали бы духовному возрождению России. Его стараниями имена Н. Лосского, Б. Вышеславцева, о. В. Зеньковского, Л. Зандера, Н. Арсеньева, С. Левицкого украсили уже первое десятилетие жизни

издательства „Посев”. Меня всегда занимало, что при встречах с такими людьми, как Зандер, Степун, Арсеньев, Владимир Яромирович чувствовал себя особенно свободно и легко: его понимали с полуслова и вели с ним долгие интереснейшие беседы. В их среде — он был своим.

Действенное, непрекращавшееся служение Богу и людям взрастило с годами во Владимире Яромировиче не только мудрость, но и смирение. Господь не оставлял его Своим попечением — много тяжких испытаний посылал Он рабу Своему. Были среди них и такие, от которых человек ломается в щепки или выходит из борения таким просветленным, что света его хватает на все дни его жизни и на всех окружающих, любящих его. Величественно и добро возвышался Владимир Яромирович над мелочной возней и суетой сует. Он будто умел выходить из безумного потока времени и был сродни той скале, на которой утверждена Церковь. Рядом с ним становилось покойно, обреталась под ногами почва, спускалась тишина и просыпалась вера в разумность всего сущего.

Нам, оскудевшим и одичавшим духовно, уже мало веры в Бога. Нам нужны живые люди, из плоти и крови, да еще рядом с нами находящиеся, которые воплощают эту веру в самих себе — в мыслях, словах, делах. Поэтому и потрясены мы его уходом. Поэтому и поражены вдруг образовавшейся в наших душах пугающе огромной пустотой.

18-25.7.81

Н. Тарасова

БИОГРАФИЯ В. Я. ГОРАЧЕКА

17 июля 1981 года во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) скоропостижно, от инфаркта, скончался долголетний член Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов, заместитель председателя Высшего суда совести и чести НТС, ответственный издатель, председатель Правления издательства „Посев” Владимир Яромирович Горачек.

Родился он 26 сентября (9 октября) 1916 года в городе Кемь, на Белом море. Отец его, чех, инженер-путеец, участвовал в постройке Мурманской железной дороги. После смерти отца (в 1919 г.) мать с детьми, двумя сыновьями, в 1920 году уехала в Чехословакию. Там В. Горачек окончил русскую гимназию, потом прошел курс Высшего технического училища по специальности инженера-строителя, но работать по профессии не пришлось из-за условий немецкой оккупации и последующих военных событий.

Принимал деятельное участие в общественной жизни русской молодежи. Был руководителем молодежной организации „Витязей”, начальником летних лагерей при ней. Окончил военные курсы, основанные ген. Головиным. Состоял в спортивной организации „Сокол”, с большим успехом участвовал в ее играх и состязаниях.

В 1934 году стал членом Национально-Трудового Союза Нового Поколения (нынешний НТС). В годы войны был председателем организации НТС в Чехии, был арестован органами гестапо и пробыл некоторое время в зловещей пражской тюрьме на Панкраце в Праге.

В 1945 году уехал с матерью в Германию, был в лагерь Менхегоф, под Касселем, где обосновался центр НТС и было создано издательство „По-

сев”. Руководил работой с молодежью, затем возглавил Германский отдел НТС, а летом 1947 года, при реорганизации издательства „Посев” в Лимбурге-на-Лане, принял функции ответственного издателя, председателя Правления издательства как коллегии пайщиков кооперативного предприятия. На этом посту оставался до конца жизни.

В 1954 году был избран в Совет НТС, где долгие годы, вплоть до последних сроков, вводился в состав Высшего суда совести и чести, выполняя там функции заместителя председателя.

В. Горачек был глубоко религиозным и церковным человеком. Благодаря его инициативной и настойчивой деятельности осуществлена постройка прекрасного православного храма во Франкфурте, старостой которого был он последние семь лет своей жизни.

В лице В. Я. Горачека Россия потеряла верного сына, неустанного труженика и борца в деле ее укрепления.

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА „ГРАНИ”

Одновременно мы отмечаем и пятидесятилетие нашего журнала и выход пятидесятого номера его. Если в пятнадцать лет жизни издания легко усмотреть молодость и его будущее, то в пятидесяти книгах „толстого” журнала, да еще изданных в трудных условиях российской эмиграции, ощущается некий духовный путь к зрелости и жизненному опыту, обрисовываются традиции и профиль издания.

Но хоть и оглядываемся мы назад на пройденный „Гранями” путь, наши взгляды устремлены в будущее: каково призвание и цель журнала? Какова дальнейшая дорога его? Какова связь с новой российской литературой?

В ответ на эти вопросы о вехах на будущем пути вспоминаются нам слова апостола Павла, обращенные к коринфянам:

„Ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать” (Гл. XIV, I).

Никакая, может быть, другая эпоха, как наша, не понимает и не тянется так к этому апостольскому завету.

Насильно прервана традиция нашего прошлого — пророческой литературы Пушкина, Гоголя, Достоевского. Большая часть мира настолько ослепла, что для нее оказались достаточными лишь две краски — черная и белая, да еще в своей обратной значимости. Исчезает из мира целая иерархическая пирамида духовных ценностей, переливающихся в

сложной своей взаимосвязи всем богатством оттенков и красок.

Но именно благодаря этой ущербности мира, благодаря тому, что коммунистическая эпоха наотрез отказалась от даров духовных и их умножения, стихийно растет новое, противоположное стремление, и наше время начинает окрашиваться в иные тона: оно страстно заостряется именно в направлении свободы и творчества. И если нас насильно „освободили” от творческой родной традиции, то означает ли это снятие с нас ответственности за наше настоящее и особенно будущее?

Новое поколение России выходит в жизнь, имея в запасе лишь полное осознание пропасти духовного опустошения настоящего.

Но

„Правда конца — это тоже возможность начала...
Кто осознал поражение — того не разбили...”,

пишет молодой русский поэт Н. Коржавин („Новый мир”, 7/61).

Да. Не только для нас ясна „возможность начала” нового пророческого слова, пророческой новой литературы, рождающейся из творческой свободы и питающейся источниками духовного света.

Это начало реально и ощутимо воплотилось уже в Борисе Пастернаке, который, с подлинной ответственностью за творчество писателя, сказал: писать „бледнее”, чем наши классики, „низко и бессовестно”. И он же занес в свой „Автобиографический очерк”: писать в нашу эпоху надо так, „чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы”.

Какая благодатная почва — наше время — для творческого раскрытия человека, для п а л я щ е

го творчества, которое будет в состоянии расплавлять окаменевшие грани наших душ!

Новая российская литература видится нами упорной, волевой, бескомпромиссной, могущей проходить все преграды — физические и духовные — и достигать тех душ, которые готовы расцвести в творчестве, достигать народной стихии, освобождая ее изнутри и устремляя на создание духовных ценностей.

Г Р А Н И ставят цель своего существования и развития в будущем в прямую связь с рождением и развитием этой новой российской литературы.

Г Р А Н И отдавали и отдают свои страницы в первую очередь тем авторам, волевое усилие которых не смогла сдержать преграда „железного занавеса”, прямая угроза их жизни (вспомним переданную из СССР повесть М. Нарымова „Неспетая песня”, „Грани” №48).

За примером таких одиночек следуют другие. Следуют потому, что е с т ь среда, воспринимающая дело одиночек как с в о е дело, ощущающая их предвестниками своего духовного освобождения.

И никакая стена, воздвигнутая властью между двумя насильно разобщенными российскими литературами — зарубежной и подсоветской, — не спасет власть от неуклонного и стремительно ускоряющегося процесса слияния их в единый поток свободной российской культуры.

„Грани” № 50, 1961

Редактирует Редакционная Коллегия
Главный редактор Н.Б. Тарасова
Ответственный секретарь Д.А. Мусина

Адрес редакции журнала „Грани”:
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheidweg 15,
D 6230 Frankfurt/M. 80

Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

Дорогие читатели!

Стремясь облегчить проникновение нашего журнала в Россию, а также ознакомить вас с лучшими из произведений, напечатанными в нем ранее, редакция журнала «Грани» выпускает 2 раза в год карманные сборники избранного текста из 7—10 номеров «Граней».

Эти сборники, размером 9,5 на 14,5 см, отпечатанные на тонкой бумаге и содержащие в среднем 512 страниц, легко укладываются в карман или женскую сумочку. Каждому путешественнику — советскому ли за рубежом, иностранному ли в России — ничего не стоит взять их с собой.

Мы обращаемся к нашим читателям в России:

- передавайте свой экземпляр дальше, увеличивая тем число наших читателей;
- просите своих друзей, едущих за границу, привезти вам наши сборники;
- просите своих иностранных знакомых привезти вам их, вместо подарка!

Мы обращаемся к нашим читателям за рубежом:

- используйте каждую возможность (встречу с соотечественниками, свои или друзей поездки в нашу страну и т. п.), чтобы передать в Россию наши сборники!

Эти сборники сделаны и предназначены для России! Каждый желающий их иметь **ДЛЯ РОССИИ** — может получить нужное количество экземпляров, обратившись по адресу:

А. Kandaurow c/o «Possev-Verlag»
Flurscheidweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80

К настоящему времени выпущены следующие сборники «Граней»:

- ☐ Сборник № 1 — избранное из №№ 87-88-94
- ☐ Сборник № 2 — избранное из №№ 78-86
- ☐ Сборник № 3 — избранное из №№ 71-77
- ☐ Сборник № 4 — избранное из №№ 69-70
- ☐ Сборник № 5 — избранное из №№ 53-68

Редакция

09.03

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Стоимость подписки на 4 номера:
в издательстве — 48 н.м.
через магазины — 60 н.м.

ПОСЕВ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

и

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

САМИЗДАТ · ИЗБРАННОЕ

В издательстве: «Посев» (12)
и «Вольное слово» (4) — 75 н.м.
«Посев» (12) — 60 н.м.

Через магазины: «Посев» (12)
и «Вольное слово» (4) — 90 н.м.
«Посев» (12) — 72 н.м.

Доплата за воздушную доставку:

«Посев» и «Вольное слово» зона I — 24 н.м.
зона II — 36 н.м.
«Посев» зона I — 20 н.м.;
зона II — 30 н.м.

I зона — Северная Америка и Ближний Восток
II зона — Южная Америка и Дальний Восток

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

«ГРАНИ» — 15 н.м., «ПОСЕВ» — 6 н.м.
«Вольное слово» — 6 н.м.

В США и Канаде, при теперешнем курсе доллара
около двух марок, следует цены, для определения их
в местной валюте, делить на два

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG

D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15
или же банковским переводом на

Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/Main
или на почтовый счет

Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.